

ИНДЕКСНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОТЕСТА: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ¹

А. В. Соколов

Соколов Александр Владимирович, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, д. 14, Ярославль, 150000, Россия.

Эл. почта: alex8119@mail.ru. ORCID 0000-0002-7325-8374

Аннотация. Статья посвящена разработке авторской методики оценки потенциала протестной активности. Делается обзор современного состояния внедрения индексного анализа. Дается характеристика ряда индексов: индекс развития человеческого потенциала, институциональной демократии (Polity I, Polity II, Polity III и Polity IV), индекс государственного управления. В России также ведется разработка собственного инструментария (индекс протестных настроений ВЦИОМ и индекс социально-экономической и политической напряженности Комитета гражданских инициатив). Делается обзор подходов к пониманию протестной активности. Выделяются условия формирования протестной активности, ее ключевые характеристики, важность эффективной коммуникации. На основе данных характеристик в дальнейшем разрабатывается авторская модель и индекс протестного потенциала. Методика изучения потенциала протестных настроений, примененная в настоящем исследовании, предполагала проведение двух этапов исследования. На первом этапе проведены два экспертных опроса, направленных на оценку и ранжирование факторов, обусловленных внутренними процессами в общественно-политической сфере влияния на потенциал протестной активности. В исследовании приняли участие 94 эксперта. Второй этап состоял в оценке факторов протестного потенциала, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами («объективные факторы»). Данные факторы рассчитаны на основе показателей государственной и ведомственной статистики. Инструментарий, использованный в настоящем исследовании, подготовлен с учетом предположения о том, что процесс формирования у граждан мотивов выбора протестного поведения детерминирован совокупностью объективных и субъективных факторов, обусловленных внутренними в общественно-политической сфере и внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами. Включение в индекс значительного количества субъективных и объективных показателей не позволило выделить те из них, которые имели бы существенное влияние. По оценкам экспертов, вес каждого из них был признан примерно одинаковым (что было подтверждено повторными процедурами замера значимости показателей). Данный индекс был апробирован в 2018 и 2019 г. на 4 субъектах Российской Федерации: Ярославская область, Воронежская область, Татарстан и Адыгея.

Ключевые слова: модель, моделирование, индекс, протест, потенциал протеста.

Введение

Вопросы измерения общественных процессов и явлений — одни из традиционных и в то же время проблемных для социально-политических наук. Классическая позитивистская парадигма со времен О. Конта предъявляет особые требования к исследовательскому инструментарию наук об обществе и объективности выходных данных. Специфика политических процессов, т.е. их сложность, многообразие, неповторимость, разнонаправленность и многофакторность, значительно затруд-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-33-01022 (а2) «Моделирование и индексирование протестной активности в субъектах Российской Федерации».

няет применение количественных методов анализа, апеллируя в большей степени к качественным описаниям, характеристикам и методам. В то же время со стороны практики социально-политического управления современным обществом явно сформулирован запрос на измеримые показатели развития, необходимые как для стратегического планирования, проектирования и моделирования политических процессов и явлений, так и для оценки и сравнения в историческом или территориальном разрезе эффективности политического менеджмента.

Несмотря на всю сложность математического выражения общественных явлений, политической наукой выработан ряд подходов к количественному измерению происходящих в этой сфере изменений, среди которых можно отметить метод индексного анализа. Индексные показатели традиционно используются в статистике, математике, экономике для анализа и обобщения различных и неизмеримых в одних и тех же единицах исходных данных. Такая функция индексного анализа, как агрегирование (суммирование элементов, которые не могут быть подвергнуты простому сложению), делает его подходящим способом анализа многофакторных, комплексных общественных явлений в политической сфере. Интегральность и относительность такого показателя, как индекс, делает возможным осуществление с его помощью количественного корреляционного, сравнительного и ретроспективного анализа общественно-политической динамики. Индексы в политологии позволяют систематизировать множество разноплановых критериев социально-политического развития в единую систему.

Опыт индексного анализа протеста

Одним из самых известных индексов, отражающих общественное развитие в целом, является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП, Human Development Index). Начиная с 1990 г., он ежегодно рассчитывается и публикуется ООН (Human Development Report) практически для всех стран мира. ИРЧП агрегирует такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни людей, уровень грамотности населения и доля ВВП на душу населения, позволяя сравнивать и ранжировать территории по уровню общественного развития, а также проследить его динамику. Дополнение ИРЧП новыми составляющими (индексом человеческого развития, скорректированным с учётом социально-экономического неравенства (ИЧРН), индексом гендерного неравенства (ИГН) и индексом многомерной бедности) делает его на настоящий момент наиболее общим показателем для анализа и сравнения развития общества.

Одним из наиболее масштабных в плане измерения индексов общественного развития стал индекс глобализации², предложенный швейцарским экономическим институтом в 2002 г. В качестве параметров для анализа был выбран целый спектр различных по весу индикаторов, разбитых на три большие подгруппы, характеризующие глобализацию в политической, социальной и экономической сферах.

Достаточно обширна группа индексных показателей, так или иначе отражающих устойчивость общественно-политического развития. К ней, помимо прочих, можно отнести системный индекс, отражающий стабильное развитие государств и отдельных регионов, — индекс устойчивости общества (The Sustainable Society Index), разрабатываемый А. Мануэлем и Г. Ван Де Керком с 2006 г.

² Индекс глобализации КОФ (KOF Index of Globalization). Режим доступа https://www.hse.ru/org/hse/4432173/mathbase/databases/db_35

Перечисленные индексы можно считать общими для всех социально-политических процессов. В то же время существуют более узкие интегральные показатели, связанные в том числе с политическим развитием, политической стабильностью и безопасностью. Например, это глобальный индекс терроризма³, разработанный Институтом экономики и мира Сиднейского университета. Он строится на основании данных о количестве террористических происшествий, числе погибших, числе пострадавших и материальном ущербе от терактов и позволяет учесть множество факторов, так или иначе связанных с уровнем терроризма в стране.

Международный индекс безопасности iSi также связан с исследованием угроз политического развития и отражает картину международной безопасности⁴.

Еще одним индексом, относящимся к сфере политики, можно считать индекс восприятия коррупции, рассчитываемый с 1996 г. общественной организацией Transparency International⁵. Индекс представляет собой сводный показатель мнений экспертов и оценок международных организаций об объемах и частоте случаев взяточничества в стране.

Индекс развития электронного правительства — общественно-политический агрегатный показатель, рассчитываемый Отделом государственного управления и управления развитием ООН с 2003 г. Он включает в себя сведения о квалификации кадров государственных органов, уровне развития информационно-коммуникационных технологий и степени охвата интернет-услугами населения страны.

Все перечисленные индексы активно используются в целях политического анализа, хотя и отражают целый комплекс явлений общественной жизни, связанных не только с политикой. Эти индексы можно отнести к общим методам общественных наук.

Другая группа индексов может быть охарактеризована как частно-научные методы, специфические для политологии.

К ним можно отнести индексы институциональной демократии Polity I, Polity II, Polity III и Polity IV, разработанные Т. Гарром и отражающие способы формирования исполнительной власти, развитость конкурентных начал, открытость формирования, ограничение деятельности, контроль деятельности, конкурентность участия (Политический атлас современности...).

Индекс демократизации, разработанный Т. Ванханеном, измеряет два ключевых параметра — участие и конкурентность в политике (Антанович, 2014). Уровень конкурентности определяется как доля непроправительственных и небольших политических партий на выборах в парламент и/или в президенты страны, а уровень электорального участия вычисляется как доля населения, участвовавшая в голосовании. Данный индекс многократно модифицировался, на его основе строятся индексные показатели, включающие экспертные оценки и результаты опросов общественного мнения.

Еще один индекс, отображающий направленность политических процессов в стране — это индекс демократии, который включает в себя такие параметры: избирательный процесс и плюрализм; деятельность правительства; политическое участие; политическая культура; гражданские свободы. Индекс демократии позво-

³ Глобальный индекс терроризма. Режим доступа <http://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info>

⁴ Индекс международной безопасности iSi. Режим доступа <http://www.pircenter.org/static/international-security-index-isi>

⁵ Corruption Perceptions Index 2016. Retrieved from https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016

ляет ранжировать и классифицировать страны по следующим категориям: полная демократия, недостаточная демократия, гибридный режим, авторитарный режим⁶.

Другой индекс для измерения демократии, а также рыночной экономики и качества политического управления — индекс трансформации Бертельсманна (Политический атлас современности...). Он также позволяет проводить сравнение стран в динамике.

Рассмотрим далее индексы, которые дают необходимую информацию для политического управления.

Индекс государственного управления (Governance Matters) — методика, предложенная Всемирным банком, — учитывает критерии качества и эффективности государственного управления⁷. Также в состав индекса входят такие критерии, как учет мнения населения и подотчетность ему органов власти, политическая стабильность и отсутствие насилия, качество законодательства, верховенство закона, меры по противодействию коррупции.

Еще один индекс политического и государственного управления, отражающий уровень развития правовой среды в обществе — это индекс верховенства закона в странах мира⁸. Он включает в себя 47 параметров, распределенных по 8 группам: ограничения полномочий властных институтов, отсутствие коррупции, порядок и безопасность, защита основных прав граждан, прозрачность деятельности государственных институтов, соблюдение законов гражданами, гражданское правосудие, уголовное правосудие.

Другая группа индексов, относящихся к частно-научным инструментам политического анализа, — это индексы социальной напряженности и протеста, напрямую связанные со стабильностью политической системы и ее устойчивым развитием.

Одна из первых попыток создать обобщенный индекс политического протеста была предпринята О. Хисом (Heath, 2008). Он выделил две составляющие этого агрегатора — причины, обуславливающие накопления протестного потенциала, и причины, обуславливающие реализацию этого потенциала в реальные протестные действия.

К группе переменных, связанных с накоплением протестного потенциала и с движением требований, исследователь отнес социальный капитал (включая демографические факторы и наличие ресурсов), который может способствовать минимизации издержек, связанных с коллективными действиями; политические ориентации (партийная идентификация, удовлетворенность демократичностью политической систем), а к группе причин мобилизации протеста он отнес факторы протеста, на которые влияют вероятность успешного участия группы в протесте и групповые выгоды от участия в протесте.

Другой вариант индекса протеста разработал Дж. Постилл (Postill, 2014). Он предложил включить в него такие критерии, как количество вовлеченных в протестную деятельность «технологов свободы» (акторов протеста, F), количество «технологов несвободы» (субъектов противодействия протесту, N), количество вовлеченных

⁶ Рейтинг стран мира по уровню демократии. *Гуманитарный портал*. Режим доступа <http://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info>

⁷ Качество государственного управления. Режим доступа <http://gtmarket.ru/ratings/governance-matters/governance-matters-info>

⁸ Индекс верховенства закона в странах мира. Режим доступа <http://gtmarket.ru/research/rule-of-law-index/info>

«третьих» субъектов (например, творческой или научной интеллигенции — посредников, коммуникаторов между «технологами свободы» и широкими массами, М). Также индекс содержит в себя динамические составляющие самого процесса протеста: фаза протеста, в которой подавляющее большинство поддерживает «технологов свободы» (выступает против власти — обозначается прописной литерой Р или строчной р, в случае, если только часть населения поддерживает протест); создание акторами протеста новых, несвойственных данной политической системе гражданских прототипов (Е); протестное движение, достигшее значительных результатов, но не изменившее в корне политическую систему (G), осуществление революции (R) или реформ (r) в результате протестного движения.

В отечественной практике политического анализа также выработан достаточно обширный арсенал индексного исчисления протестной активности.

Так, ВЦИОМ рассчитывает индекс протестных настроений⁹ на основании мониторинга социальной напряженности и уровня протестных настроений (протестный потенциал), включая туда индексы меньшего порядка: индекс личного протестного потенциала, отражающий готовность граждан к участию в массовых акциях протеста, и индекс общественного протестного потенциала, отражающего представления граждан о вероятности массовых протестов.

Комитет гражданских инициатив предлагает свою методику расчета комплексного индекса социально-экономической и политической напряженности¹⁰, включающую оценку социально-экономического благополучия, внутривнутриполитической ситуации, протестной активности, вмешательства федерального центра в политику региона.

Таким образом, современная политическая теория и практика, опираясь на общенаучные методы и частно-научный инструментарий, получают достаточно объективные количественные и качественные показатели в виде индексов общественно-политического развития. Индексный анализ позволяет перейти от качественных описаний политических событий, процессов и явлений к математическим измерениям даже таких сложных и многофакторных проблем, как политический протест.

Подходы к пониманию политического протеста

Политический протест всегда был актуальной темой для политической теории и практики государственного управления. Фактически на протяжении всей своей истории человеческое общество сталкивается с теми или иными формами протестной активности, свидетельствующими об имманентно присущих ему конфликтах.

Теорией, имеющей наибольший объяснительный потенциал относительно факторов, условий и механизмов протестной деятельности, на наш взгляд, является концепция коллективных действий.

В русле этой парадигмы протест воспринимается как массовая публичная форма выражения гражданами недовольства существующей ситуацией или политикой властей, позволяющая снять накопившееся социальное и психологическое напряжение (Travaglini, 2014). Общая цель — выражение неудовлетворенности статус-кво — превращает разрозненных индивидов в объединение людей, активно отстаивающих

⁹ Протестный потенциал. ВЦИОМ. Режим доступа <https://wciom.ru/index.php?id=177>

¹⁰ Индекс социально-экономической и политической напряженности. Режим доступа <https://komitetgi.ru/projects/2901/#1>

свои интересы (Le Bon, 2001). Способы такого выражения разнообразны и могут варьироваться от мирных, конвенциональных форм до массовых беспорядков. Исследователи отмечают — разрешение противоречий на стадии формирования протеста является необходимым условием социальной стабильности (Волинчук, Соловченков, 2013). Силовая эскалация конфликта, инициированная протестующими, неизбежно вызывает ответную реакцию государства (вплоть до применения насилия), необходимую для стабилизации функционирования общества и его институтов (Никовская, 2012). Механизм насильственной эскалации протестной активности может также включать в себя влияние со стороны протестующих на функционирование государственных институтов и учреждений, что затронет интересы третьих лиц, ранее напрямую не вовлеченных в протест что с одной стороны, увеличивает количество сторонников протеста, с другой — более активные меры государства по разрешению конфликта (Piven, Cloward, 1991).

В ходе протеста формулируются и выдвигаются требования гражданского общества к властям, осуществляется обратная связь между ними, население оповещает власти о своем несогласии с проводимой политикой и артикулирует запрос на изменения (Артюхина, 2011). Таким образом, протест выполняет коммуникативную и сдерживающие функции, выступая механизмом влияния на государственную власть со стороны общества. При этом протест выступает скорее крайней мерой, к которой граждане прибегают, если другие способы построения диалога с властью невозможны или неэффективны. Как справедливо отмечает К.-Д. Опп, если существует возможность достичь договоренностей путем переговоров, то ухудшать отношения с властью со стороны общества становится нецелесообразно (Опп, 2012). Кроме того, протест может значительно снижать качество взаимоотношений государства и социума, переводя диалог в неконструктивное русло. Таким образом, открытость для общения органов государственного управления является важным фактором предупреждения протестов (Eisinger, 1973).

Позиции авторов по поводу «нормальности» протестов в обществе разнятся. Дж. Рул считает протесты обычной практикой гражданского поведения, определяемого теми же факторами, что и другие его формы (Rule, 1988). Противоположную позицию высказывает Ч. Тилли, отмечая экстраординарный, выходящий за рамки обыденной политической практики, характер протестов (Tilly, 1975). В любом случае некоторое недовольство политикой властей и существующей ситуацией у граждан существует всегда, это необходимый стимул к инновациям и развитию общества, но только при определенных условиях протестный потенциал может вылиться в открытые формы противостояния (Филинская, Мартинкевич, 2012). Острые фазы протеста свидетельствуют о нарастании энтропии и центробежных сил в обществе, ведущих в конечном итоге к разрушению социальных институтов и общества в целом.

Теория эффективности утверждает, что субъективная оценка достижимости изменений существующего положения за счет протестных акций служит решающим условием для вовлечения индивида в протестную активность (Gamson, 1992).

Понимание механизмов протеста с точки зрения коллективных действий невозможно без более полного объяснения принципов, закономерностей и методов массовых социальных движений. Движения воспринимаются как организованные практики, которые в процессе своего существования вовлекают индивидов, считающих изменения политической и социальной системы необходимыми. Другими словами, «массовые движения возникают при определенных социальных обсто-

ятельствах, которые воспринимаются гражданами чаще всего как нетерпимые» (Найдорф, 2010). Важной составляющей массовых движений является коммуникация между участниками. С точки зрения теории структуризации общественные движения определяются как системы, в которых воспроизводятся социальные коммуникации между социальными субъектами (Сколебина, 2010).

Для того чтобы движение приобрело массовый характер, существующая ситуация должна вызывать действительно серьезное беспокойство у большей части населения, затрагивать жизненно важные интересы и потребности граждан. Процессы динамики массовых движений во много определяются как имеющейся институциональной средой, так и внутренними организационными ресурсами самого движения. В целом массовые движения могут служить проводниками социальных инноваций, в том числе в политической системе. Влиятельность движений определяется количеством участников. Слабость организационной структуры массовых движений и ее неустойчивость, а также ограниченная численность участников при отсутствии результативных практик выступлений приводят к тому, что массовые движения сходят на нет — так произошло в России после всплеска активности в 1980–1990-е гг. годы.

Исследования показывают, что участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т.п.) практикуют сегодня 3% россиян. При этом данная форма гражданского проявления не предполагает постоянного, регулярного, системного участия (Седова, 2014).

Как мы уже отмечали, значимым элементом массовых движений и коллективных действий выступает коммуникация как между их участниками, так и со всеми заинтересованными сторонами — властью, обществом, социальными институтами. Современные информационно-коммуникационные технологии значительно упрощают, ускоряют и облегчают коммуникацию внутри массовых движений и вне этих движений.

Речь прежде всего идет об Интернете, который не только и не столько служит теперь способом связи, сколько формирует новую социальную реальность. Интернет и его производные сервисы позволяют мобилизовать, координировать и повышать эффективность массовых движений в современном обществе, предоставляя те инструменты коммуникации, которых не хватало для организации действительно массовых движений. Интернет расширяет возможности доступа граждан к информации и общению, в том числе является новым способом политической коммуникации (Филатова, 2014).

Интернет предоставляет платформы для прямого обращения граждан к власти, а при неудовлетворении требований Интернет позволяет быстро и массово вовлечь фактически неограниченное (в том числе территориальными или социальными рамками) количество людей в протестную активность. О. Е. Гудошникова справедливо отмечает, что Интернет представляется инструментом, способным улучшить политическую коммуникацию и вовлекать активных граждан в массовые действия. (Гудошникова, 2015). Интернет также предоставляет возможности поиска единомышленников и их объединения для обсуждения общих проблем, а также для выдвижения требований властям по поводу решения этих проблем.

Благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям расширяется и информационное политическое пространство, давая ощущение сопричастности к происходящим в стране политическим процессам большим массам людей, предоставляя им возможность влиять на политические силы не только через традиционные политические каналы коммуникации, но и через значительно более динамичные и удобные каналы цифрового взаимодействия власти и общества.

Новый виток развития коллективных действий связан с распространением виртуальных социальных сетей и мессенджеров, предлагающих новые алгоритмы поиска и представления информации в Интернете и порождающих целый спектр новых способов политической коммуникации. Интерактивность, открытость, равенство и скорость передачи информации отличают интернет-коммуникации второго поколения (web 2.0) от традиционных сетевых взаимодействий. Исследователи отмечают, что социальные сети изменяют способы коммуникации, увеличивая возможности межличностного общения на основе публикуемых в сети сообщений (Никифоров, 2014). Таким образом, интернет-пространство провоцирует рост интереса к мобилизационным технологиям вовлечения граждан в коллективные в том числе протестные действия (Ильичева, 2013).

Кроме того, Интернет напрямую влияет и на политическую социализацию граждан и становление политической идентичности индивидов и социальных групп. Так, А. С. Шерстобитов указывает, что Интернет является площадкой, с помощью которой происходит социализация пользователей. С развитием информационно-коммуникационных технологий политические лидеры активнее используют канал интернет-коммуникаций для политической мобилизации населения (Шерстобитов, 2013). Коллективная идентичность, формируемая в интернет-пространстве, порождает новые социально-политические процессы, модифицируя традиционное политическое пространство в новое, виртуальное, а также дает новые способы самовыражения, участия и протеста в случае ущемления прав или интересов, формируя сообщества, основанные на общих интересах.

В целом современные протесты могут быть рассмотрены как форма коллективных действий, организуемых с помощью инновационных способов мобилизации и актуализации протестного потенциала. Информационно-коммуникационные технологии при этом выступают главным инструментом в мобилизации и влияют на эффективность координации деятельности общественных движений.

Условия формирования потенциала протестной активности в субъектах Российской Федерации

В июне 2018 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин в одном из своих интервью иностранному изданию (австрийскому телеканалу ORF) подтвердил информацию о росте числа россиян, живущих за чертой бедности¹¹. Росстат зафиксировал рост уровня бедности в России в первом и во втором кварталах 2019 г. по сравнению с тем же периодом прошлого¹².

То есть в стране на протяжении краткосрочной ретроспективы наблюдается рост числа россиян с доходами ниже прожиточного минимума (уровень бедности)¹³.

При этом в конце октября 2019 г. ведомство сообщило о росте числа российских семей, которым средств хватает только на покупку еды и одежды. В первом квартале 2019 г. доля таких семей составляла 49,2%, во втором — 49,4%. Рост составил 0,2%¹⁴.

¹¹ «Процветающая страна. Путин признал усиление бедности в России». *Forbes*. Режим доступа <https://www.forbes.ru/biznes/362611-procvetayushchaya-strana-putin-priznal-usilenie-bednosti-v-rossii>

¹² «Росстат зафиксировал рост бедности в России». *Forbes*. Режим доступа www.forbes.ru/2Fobshchestvo%2F382567-rosstat-zafiksiroval-rost-bednosti-v-rossii

¹³ Там же.

¹⁴ «Росстат: 49,4% семей в России хватает денег только на еду и одежду». *Polit.ru*. Режим доступа <https://polit.ru/news/2019/10/22/poverty/>

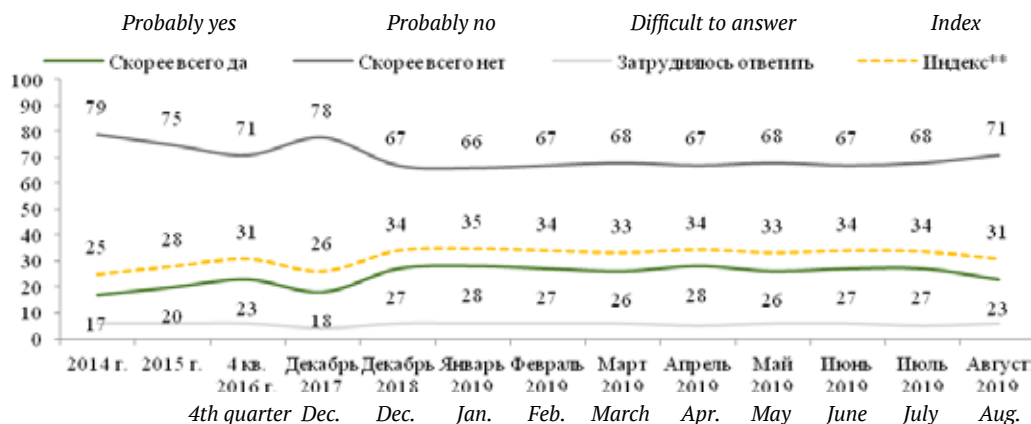

Рис. 1.— Протестный потенциал в России по данным ВЦИОМ (Протестный потенциал) (Примерная формулировка вопроса: «Если в нашем городе/сельском районе состоятся массовые акции протеста, выступления против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав, Вы лично примете в них участие или нет? (Закрытый вопрос, один ответ)».).

Fig. 1. Protest potential in Russia according to VTsIOM (Protest potential). (Approximate wording of the question: “If mass protests against the fall in the standard of living, the unfair actions of the authorities, and in defense of your rights take place in your city or rural area, are you, personally, going to take part in them or not? (close-ended question, one answer)”.

Российское общество среагировало и на протестные события, сопряженные с выборами в Московскую городскую думу 2019 г. (в том числе «дело Ивана Голунова», «дело Павла Устинова»), «антимусорные» протесты в Шиесе и других регионах страны, обыски в региональных штабах сторонников А. А. Навального и т. п. Эти события активно освещались в средствах массовой информации и вызвали широкий общественный резонанс.

Меняются условия и качество жизни населения России, а вместе с ними меняются привычки и отношение людей к окружающей их действительности. Перемены затрагивают все стороны жизни людей и, как показывают данные Росстата и публикации в средствах массовой информации (публикации в социальных сетях), для многих они не всегда сопряжены с определенными положительными аспектами, эмоциями.

Тем не менее, общероссийские исследовательские центры на протяжении двух последних лет фиксируют стабильность уровня протестной активности в России. В августе 2019 г. в стране наблюдалось снижение индекса протестного потенциала.

Рассчитанные на основе массового опроса усредненные значения индекса или уровня протестного потенциала позволяют увидеть настрой только тех граждан, кто готов открыто заявлять о своих намерениях. В определенных социальных и политических условиях ряд социологических показателей теряют свою гибкость и чувствительность. А их обобщенный характер не позволяет различить перемены в структуре первопричин социальных протестных действий. Это доказывают данные ВЦИОМ, представленные на рис. 1.

Важное условие формирования протестной активности состоит в развитии новых средств и каналов коммуникации. Определяющим здесь является развитие сети Интернет, который предоставляет оптимальные возможности для организации

и координации протестной активности. Информационно-коммуникативные технологии становятся ключевым элементом организационных структур протестующих.

Другим фактором формирования протестного потенциала в современной России выступает снижения уровня доверия граждан к традиционным институтам (институтам представительства, политическим партиям, традиционным НКО и т.д.). Данная проблема обостряется в тех случаях, когда снижается конкурентность на выборах, а СМИ не стремятся отразить разнообразие существующих точек зрения на общественно-политические и социально-экономические процессы. В результате граждане все чаще вынуждены самоорганизовываться для агрегации и артикуляции собственных интересов, а затем посредством протестных действий привлекать внимание органов власти и должностных лиц к существующим проблемам. Результативность протеста будет зависеть от того, какое количество субъектов объединилось в коллективные действия по защите законных прав и интересов граждан, также от того, какая культура и практика реагирования на запросы граждан сформировалась со стороны органов власти и должностных лиц.

Анализ сущности протестной активности и условий ее развития позволяет выявить ключевые параметры для формирования авторского индекса: общие социально-экономические условия, особенности коммуникации внутри протестного сообщества и с внешними субъектами, развитие сети Интернет, цели протестующих, специфика политической системы и др. (табл. 1 и 2).

Структурирование данных условий позволило разработать авторскую методику анализа потенциала протестной активности в субъектах российской Федерации. Результаты первого этапа апробации настоящей методики (в 2018 г.) доказали целесообразность участия в экспертном опросе представителей различных сегментов общества. Основываясь на их мнениях и ответах, удалось провести ранжирование по уровню и качеству протестной активности.

Методика оценки потенциала протестной активности в субъекте Российской Федерации

Методика изучения потенциала протестных настроений, применённая в настоящем исследовании, включала два этапа исследования. Первый состоял в проведении двух экспертных опросов, направленных на оценку и ранжирование факторов, обусловленных внутренними процессами в общественно-политической сфере влияния на потенциал протестной активности. В исследовании приняли участие 94 эксперта (табл. 3).

Второй этап включал оценку факторов протестного потенциала, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами (объективные факторы). Данные факторы рассчитаны на основе показателей государственной и ведомственной статистики.

Инструментарий, использованный в настоящем исследовании, подготовлен с учетом предположения о том, что процесс формирования у граждан мотивов выбора протестного поведения детерминирован совокупностью объективных и субъективных факторов, обусловленных внутренними в общественно-политической сфере и внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами.

К внутренним (субъективным) были отнесены такие первичные параметры, как характеристика среды и акторов, их целей и реакции (табл. 1):

- общее состояние социально-политической среды;
- реакция власти на проявления протестной активности;

Таблица 1. Количественные результаты оценки потенциала протестной активности
Table 1. Quantative results of protest activity potential assessment

ПОКАЗАТЕЛИ ОБЩЕГО СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ <i>Indicators of the general state of socio-political environment</i>		
Показатель <i>Indicators</i>	2018 г.	2019 г.
Широко поддерживаются идеи протеста в среде общественных активистов и лидеров общественного мнения <i>Wide support of protest ideas among public activists and opinion leaders</i>	3,93	4,19
Высокая степень конкурентности на выборах регионального и муниципального уровня <i>High degree of competitiveness in regional and municipal elections</i>	4,10	3,69
В региональном социуме не сложилась положительная административная и политическая культура учета интересов населения и групп влияния <i>Absence of positive administrative and political culture of taking into account the interests of the population and influence groups in regional societies</i>	5,38	5,44
Отсутствует практика успешного отстаивания интересов протестными группами <i>No practice of successfully defending interests by protest groups. Successful defence of the population interests by protest groups is not practiced</i>	5,63	5,25
Существует значительное количество оппозиционных лидеров <i>There exists a significant number of opposition leaders</i>	3,59	3,36
В регионе развита система коммуникации и распространения информации, она не подконтрольна какому-либо одному/нескольким субъектам <i>The region has developed a system of communication and information dissemination which is not controlled by any one / several agencies</i>	5,19	4,14
Население НЕ удовлетворено своим положением <i>The population is NOT satisfied with their situation</i>	6,48	6,56
ПОКАЗАТЕЛИ РЕАКЦИИ ВЛАСТИ НА ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ <i>Indicators of the authorities' response to manifestations of protest activity</i>		
Показатель <i>Indicators</i>	2018 г.	2019 г.
Отмечается высокая степень разобщенности региональной элиты <i>A high degree of fragmentation among regional elite</i>	4,62	4,58
Реакция власти на протест ориентирована на подавление протестующих <i>The government's reaction to the protest is aimed at suppressing protesters</i>	5,70	5,84
Реакция власти на протест не ориентирована на решение социально значимых проблем <i>The government's reaction to the protest is not focused on solving socially significant problems</i>	5,38	5,76
Власть скорее ориентирована на ограничение свободы собраний и выражения мнений <i>The authorities are more likely to restrict freedom of assembly and expression</i>	5,54	5,63
В региональном социуме низкая степень удовлетворенности властью <i>There is a low degree of satisfaction with power in regional societies</i>	6,01	6,38

Таблица 1 (продолжение). Количественные результаты оценки потенциала протестной активности

Table 1 (continuation). Quantative results of protest activity potential assessment

ПОКАЗАТЕЛИ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ <i>Indicators of the authorities' response to manifestations of protest activity</i>		
Показатель <i>Indicators</i>	2018 г.	2019 г.
Отмечается высокая интенсивность протестных акций <i>High intensity of protests</i>	3,53	3,31
Распространены массовые протестные акции <i>Mass protests are common</i>	3,13	2,89
Протестные группы хорошо структурированы <i>Protest groups are well structured</i>	2,94	2,76
Хорошо развита коалиционность протестных групп <i>Well-developed coalition of protest groups</i>	2,71	2,71
Высоко развита идентичность внутри протестных групп <i>Highly developed identity within protest groups</i>	3,53	3,17
Протестные группы имеют хорошую ресурсную и технологическую обеспеченность <i>Protest groups have good resource and technological security</i>	3,59	2,99
ПОКАЗАТЕЛИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПРОТЕСТНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ <i>Indicators of value orientations of protest manifestations</i>		
Показатель <i>Indicators</i>	2018 г.	2019 г.
Ориентация протестующих на общественно значимые вопросы, а не на собственные нужды <i>Orientation of protesters to socially significant issues, rather than to their own needs</i>	5,50	5,26
Уровень радикализации протестной активности значителен <i>The level of protest activity radicalization is significant</i>	3,41	3,00
Низкая готовность протестных групп к компромиссу с властью <i>Low willingness of protest groups to compromise with the authorities</i>	4,84	4,43
Протестная активность объективно обусловлена внутренними факторами развития региона, а не используется как инструмент политической борьбы <i>Protest activity is objectively determined by internal factors of a region's development, and is not used as an instrument of political struggle</i>	4,66	4,58

- внутренняя структура протестной активности;
- ценностные ориентации протестных проявлений;
- эффективность функционирования социальных и политических институтов.

Каждый из них достаточно обширен по своему наполнению, поэтому они были разделены на отдельные компоненты в той или иной степени влияющие на уровень протестной активности (табл. 1).

Таблица 1 (окончание). Количественные результаты оценки потенциала протестной активности

End of Table 1. Quantative results of protest activity potential assessment

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ <i>Indicators of social and political institutions' effectiveness of functioning</i>		
Показатель <i>Indicators</i>	2018 г.	2019 г.
Низкий уровень эффективности работы в регионе традиционных механизмов «обратной связи» власти и населения (ЗАКС, представительные органы МСУ, общественные палаты, партии) <i>Low level of work efficiency of the traditional mechanisms of "feedback" between the authorities and the population in the region (Legislative Assembly, representative bodies of local government, public chambers, parties)</i>	5,07	5,21
СМИ неэффективно выполняют свою роль по осуществлению взаимодействия власти и населения <i>Media ineffectively fulfill their role in the interaction of the authorities and the population</i>	5,72	5,57
Низкий уровень эффективности «посредников» в конфликтах между властью и населением (уполномоченные по правам человека, ребенка, предпринимателей) <i>Low level of effectiveness of "mediators" in conflicts between the authorities and the population (commissioners for human rights, children, entrepreneurs)</i>	5,49	5,49
Доступ населения к существующим социальным лифтам затруднен <i>Public access to existing social elevators is difficult</i>	5,79	6,16
Нарушаются права граждан на свободу собраний и выражения мнений, гарантируемая нормативно-правовыми нормами <i>Citizens' rights to freedom of assembly and expression, guaranteed by regulatory standards, are violated</i>	4,71	4,91

К факторам, характеризующимся как объективные (внешние) относятся те, что устанавливают и определяют качество жизни граждан (табл. 2).

Взаимодействие объективных (внешних) и субъективных (внутренних условий) представляется билатеральным: с одной стороны объективные факторы оказывают влияние и практически формируют определенное протестное поведение — осознание их необходимости и готовность к открытому выражению недовольства, с другой — субъективные факторы определяют протестное поведение, стимулируют или способствуют снижению активности граждан в политической сфере (протест).

Влияние частных факторов, обусловленных внутренними процессами в общественно-политической сфере влияния на потенциал протестной активности

В 2018 г. субъективные (внутренние) и объективные (внешние) факторы играли одинаково значимую роль в развитии протестных настроений. В 2019 г. эксперты отметили усиление влияния факторов, обусловленных внутренними процессами в общественно-политической сфере (рис. 2).

Таблица 2. Значения коэффициентов весомости частных индексов для факторов, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами (объективные)
 Table 2. Objective values of weightiness coefficients of individual indexes for factors caused by processes outside socio-political sphere

	Индекс	2018г.	2019г.
1	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленной в субъекте РФ <i>The share of the population with cash incomes below the subsistence level established in a subject of the Russian Federation</i>	0,078	0,089
2	Коэффициент доступности жилья <i>Housing affordability ratio</i>	0,075	0,076
3	Уровень безработицы <i>Unemployment rate</i>	0,072	0,080
4	Оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ <i>Population's assessment of the executive authorities' activity in a subject of RF</i>	0,081	0,093
5	Коэффициент миграционного прироста (на 10 тыс. человек) <i>Migration growth rate (per 10 thousand people)</i>	0,060	0,066
6	Количество уголовных дел в регионе по статьям 280, 282, 282.1 и 282.2 УК <i>The number of criminal cases in a region under Articles 280, 282, 282.1 and 282.2 of the Criminal Code</i>	0,044	0,063
7	Доля испорченных бюллетеней на последних общерегиональных или федеральных выборах в регионе <i>The proportion of spoilt ballots in the latest regional or federal elections in the region</i>	0,062	0,048
8	Уровень поддержки партии «Единая Россия» на последних выборах депутатов ГД РФ <i>The level of support for the United Russia party in the last election of deputies to the State Duma</i>	0,064	0,055
9	Уровень явки на последние выборы федерального уровня в регионе <i>The turnout level for the last federal elections in the region</i>	0,062	0,049
10	Доля населения с высшим образованием <i>Percentage of the population with higher education</i>	0,066	0,064
11	Количество самоубийств на 10 тыс. населения в регионе <i>The number of suicides per 10 thousand people in the region</i>	0,049	0,046
12	Доля жителей субъекта РФ, столкнувшихся с проявлениями коррупции <i>Percentage of residents who have experienced corruption</i>	0,069	0,075

По мнению экспертов, основные факторы роста протестной активности сегодня, как и год назад, связаны с низкой эффективностью функционирования социальных и политических институтов: обратная связь, социальные лифты и реализация права граждан на свободу собраний и выражения мнений. Их работа в 2019 г. стала лишь хуже.

С точки зрения экспертов, доступность социальных лифтов в стране не просто ограничена, но и имеет тенденцию к снижению. Неспособность государства в полной мере обеспечить равный доступ всех граждан к существующим социальным лифтам актуализирует проблему застоя — застой политической элиты, застой

Таблица 3. Объем и структура выборочной совокупности

Table 3. The volume and structure of the sample

	Частота Frequency
Первый этап исследования — оценка значимости факторов <i>The first stage of the study — assessment of the significance factors</i>	
Ярославская область <i>Yaroslavl Region</i>	4
Республика Татарстан <i>Republic of Tatarstan</i>	3
Воронежская область <i>Voronezh Region</i>	3
Республика Адыгея <i>Republic of Adygeya</i>	3
Второй этап исследования — оценка показателей протестной активности <i>The second stage of the study — evaluation of protest activity indicators</i>	
Ярославская область <i>Yaroslavl Region</i>	21
Республика Татарстан <i>Republic of Tatarstan</i>	20
Воронежская область <i>Voronezh Region</i>	20
Республика Адыгея <i>Republic of Adygeya</i>	20
	ВСЕГО <i>Total</i> 94

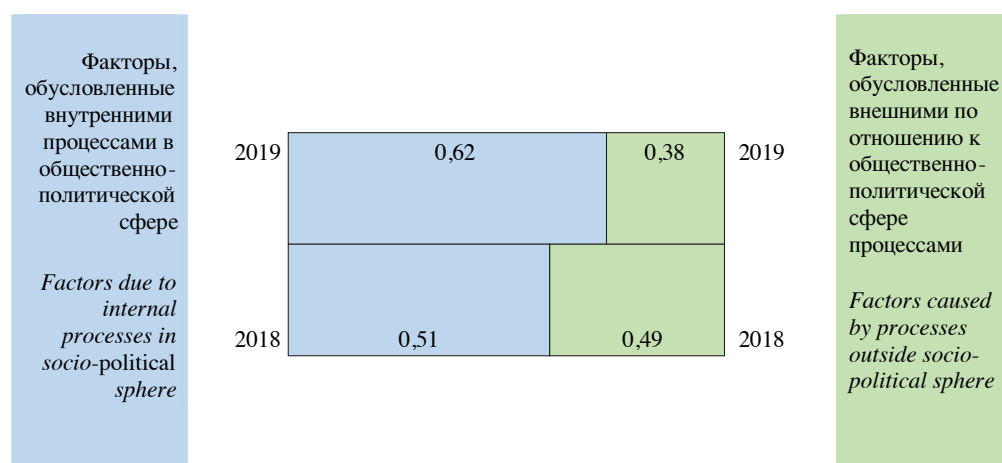

Рис. 2. — Экспертная оценка влияния двух групп факторов общественной жизни на развитие потенциала протестной активности в регионах

Fig. 2. Expert assessment of influence of two groups of public life factors on the development of protest activity potential in the regions

Таблица 4. Факторы, обусловленные внутренними процессами в общественно-политической сфере (субъективные)

Table 4. Subjective factors due to internal processes in socio-political sphere

Значение веса коэф- фициента в <i>Weight coefficient in</i>	Общее состояние социально- политичес- кой среды <i>General state of socio- political environment</i>	Реакция власти на проявления протестной активности <i>Authorities' reaction to protest activity manifesta- tions</i>	Внутренняя структура протестной активности <i>Internal structure of protest activity</i>	Ценностные ориентации протестных проявлений <i>Value orientation of protest manifestations</i>	Эффектив- ность функциони- рования социальных и полити- ческих институтов <i>Effectiveness of social and political institutions' functioning</i>
2019 году	0,18	0,22	0,19	0,19	0,24
2018 году	0,20	0,19	0,19	0,19	0,23

руководящих кадров и т.п. Снижение эффективности работы традиционных механизмов обратной связи власти и населения увеличивает пропасть между ними принуждает граждан к использованию радикальных средств коммуникации — пикеты, протесты и др. Следствие — участвовавшие в 2019 г. нарушения реализации права граждан на свободу собраний и выражения мнений.

Вторая по влиянию на протестную активность группа факторов — реакция власти на протестные акции. Она всё чаще несет в себе агрессивное воздействие — подавление протестующих и ограничение свободы выражения мнений, не предполагающее под собой решения социально значимых проблем (табл. 1, 4). Широкое и подробное освещение развития протестных событий 2019 г. в средствах массовой информации и социальных сетях закрепило в сознании широких групп людей устойчивые образы власти и государства — «полицейское государство», «политические репрессии» и т.п. Еще год назад эти события не вызвали бы такой ажиотаж в обществе, но сейчас изменились обстоятельства. Наблюдаемое снижение уровня жизни граждан, ослабление форм обратной связи между властью и народом делает протест чуть ли не единственным механизмом громкого выражения общественного мнения.

В сложившихся условиях эксперты видят опасность в дальнейшем использовании тактики запугивания и запрещения в отношении протестующих.

В 2019 г., по мнению экспертов, ослабла зависимость между факторами, обусловленными внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами, и уровнем протестной активности (снижение показателя с 0,49 до 0,38). Эксперты связывают это с дополняющими друг друга тенденциями. Первая — попытка власти контролировать протестную активность административными ресурсами. Она характеризуется ослаблением конкурентности на выборах регионального и муниципального уровня, ростом дефицита оппозиционных лидеров и систем коммуникации (распространения информации) неподконтрольных какому-либо одному/нескольким субъектам (табл. 1).

Таблица 5. Значение индекса потенциала протестной активности

Table 5. Value of the index of protest potential activity

Республика, область Region	2018 г.	2019 г.
В целом по России <i>For Russia as a whole</i>	4,76	4,95
Ярославская область <i>Yaroslavl Region</i>	4,67	5,28
Воронежская область <i>Voronezh Region</i>	4,57	5,33
Республика Татарстан <i>Republic of Tatarstan</i>	4,75	5,06
Республика Адыгея <i>Republic of Adygeya</i>	5,14	4,13
Средний <i>Average</i>	4,76	4,95

Вторая — распространение протестных идей и настроений в общественном сознании. Динамика экспертных оценок подтверждает распространение протестных идей в среде общественных активистов и лидеров общественного мнения (табл. 1). Данную тенденцию можно воспринимать как реакцию на проблемы с обратной связью, на действия власти по отношению к протестующим и участвовавшие случаи успешного отстаивания интересов протестными группами.

В 2019 г. не произошла активизация процессов укрепления, сплочения протестных групп и повышения качества социального протеста в России. По оценкам экспертов, в настоящее время наблюдается:

- снижение ресурсной и технологической обеспеченности протестных групп;
- массовые протесты — практика, уходящая в прошлое;
- снижение радикализации протестной активности;
- рост индивидуализма в среде протестующих, т.е. ориентация на собственные нужды (табл. 1).

Без преувеличения можно сказать о растущем внутреннем кризисе протестного движения в России. В 2019 г. в субъектах Российской Федерации встречались единичные случаи мобилизации граждан в протестную активность (протест против свалки в Шиесе, строительства храма святой Екатерины в Екатеринбурге и др.). Однако в большинстве случаев это стало возможным благодаря стратегическим ошибкам власти.

Как следствие, влияние на протестную активность факторов, характеризующих качество протестных движений, эксперты оставили на уровне 2018 г. (табл. 4).

Значение индекса «потенциал протестной активности»

За год индекс потенциала протестной активности вырос с 4,76 баллов до 4,95 балла (табл. 5) в целом по группе исследуемых субъектов Российской Федерации (индекс измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от 1 до 10: чем выше значение индекса, тем больше эксперты уверены в возможности прохождения акций протеста).

Причина роста индекса потенциала протестной активности кроется в работе социальных и политических институтов, а не эволюции протестных движений. Сделанный вывод подтверждается динамикой значений коэффициентов весовости частных индексов для факторов, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами (объективные) (табл. 2).

В трёх из четырех субъектов Российской Федерации, включенных в исследование, наблюдается рост потенциала протестной активности: Воронежская область (+0,76) Ярославская область (+0,61), Республика Татарстан (+0,31).

В это же время в Республике Адыгея наблюдается противоположная тенденция: уровень потенциала протестной активности снизился с 5,14 до 4,13 (–1,01).

Расчет факторов протестного потенциала, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами

Под факторами протестного потенциала, обусловленными внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами состояния социально-политической среды, понимаются статистические индикаторы, отражающие объективные характеристики уровня развития социально-политической сферы региона, а также наличие или отсутствие тенденций, явлений для возникновения протестной активности.

Оценка протестного потенциала региона с использованием данных показателей осуществляется по следующей схеме.

Определяются фактические значения индикаторов. Фактические значения показателей-индикаторов формируются на основе данных органов государственной или ведомственной статистики. На их основе производится расчет индексов оценки достижения политически значимых ориентиров для региона.

При расчете индексов оценки достижения политически значимых ориентиров ($K_{ij}^{об}$) используются минимальные и максимальные значения среди регионов, участвующих в исследовании, с которыми сравниваются фактические значения этих показателей по конкретному субъекту Российской Федерации. Принцип расчета каждого индекса достижения политически значимого ориентира заключается в определении относительного расстояния между его фактическим значением и нормативным (максимальным или минимальным).

Нормативные значения отражают предельные уровни социально-политического развития регионов России. Политически значимые ориентиры могут находиться как в минимуме, так и в максимуме значений выбранных показателей.

Максимумы и минимумы каждой переменной фиксируются для всего изучаемого временного периода.

Индексы оценки достижения конкретным регионом политически значимых ориентиров ($K_{ij}^{об}$) рассчитываются по формуле, обоснованной М. Чесляк и Е. Октабской (Фетисов, Орешин, 2008):

а) политически значимые ориентиры находятся в максимуме:

$$K_{ij}^{об} = \frac{\text{Фактическое значение } x_i - \text{Минимальное значение } x_i}{\text{Максимальное значение } x_i - \text{Минимальное значение } x_i}$$

б) политически значимые ориентиры находятся в минимуме:

$$K_{ij}^{об} = \frac{\text{Максимальное значение } x_i - \text{Фактическое значение } x_i}{\text{Максимальное значение } x_i - \text{Минимальное значение } x_i}$$

Таблица 6. Индекс для факторов, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами

Table 6. Index for factors caused by processes outside the socio-political sphere

	Ярославская область <i>Yaroslavl Region</i>	Воронежская область <i>Voronezh Region</i>	Республика Татарстан <i>Republic of Tatarstan</i>	Республика Адыгея <i>Republic of Adygeya</i>
2019	0,58	0,38	0,35	0,53
2018	0,61	0,31	0,35	0,60

где x_i — статистический показатель-индикатор, используемый в данной методике для оценки показателя протестного потенциала региона.

Общее значение (по совокупности) факторов протестного потенциала, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами, для конкретного региона ($K^{об}$) рассчитывается по следующей формуле:

$$K^{об} = \sum_1^m K_{ij} \cdot K_{\theta_i}$$

где K_{ij} — частные индексы факторов протестного потенциала, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами; K_{θ_i} — коэффициенты весомости частных индексов факторов протестного потенциала, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами.

Коэффициенты весомости частных индексов экстрапоказателей состояния социально-политической среды определяются на основании экспертной оценки. Значения данных коэффициентов приведены в табл. 2.

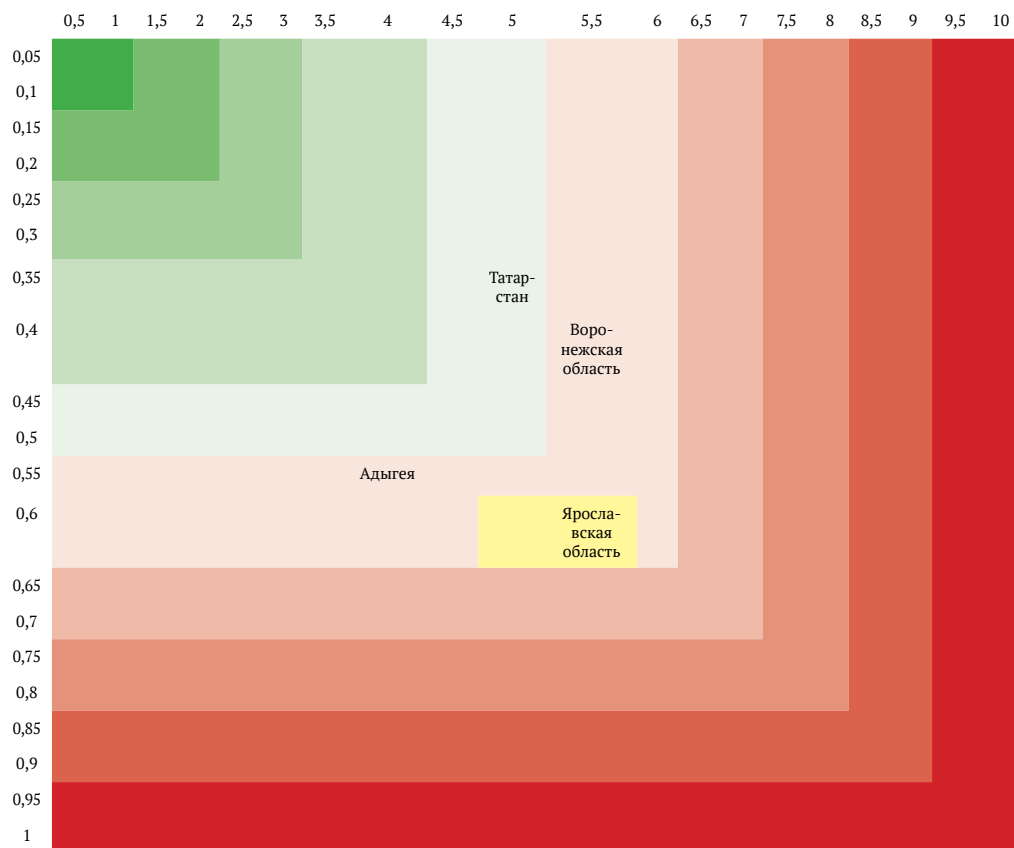
По итогам собранных статистических материалов для 4 регионов, участвовавших в исследовании, был рассчитан индекс для факторов, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами (табл. 6).

Республика Адыгея и Ярославская область остаются регионами с наибольшими предпосылками для роста протестной активности. В них второй год подряд наблюдаются низкие показатели уровня жизни граждан и низкий уровень удовлетворённости населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Помимо этого Ярославская область среди остальных выделяется низким уровнем поддержки партии власти, низкой избирательной активностью граждан. При таких обстоятельствах можно ожидать рост прежде всего скрытой протестной активности. В Республике Татарстан потенциал протестной активности в большей степени обусловлен уровнем коррупции.

Графическое представление положения регионов по уровню потенциала протестной активности представлено на рис. 3.

Выводы

Развитие научного инструментария формирует новые возможности для познания сущности, характеристики и динамики значимых общественно-политических явлений и процессов. Одними из активно развивающихся подходов являются моделирование и разработка на его основе индексного анализа. Формализация модели позволяет не только показать ключевые элементы изучаемого явления, но и осуществить его количественное измерение. Ярким примером могут служить

↑ Объективные показатели

Рис. 3.—Уровень потенциала протестной активности ↔ Субъективные показатели

Fig.3.— Potential levels of protest activity ↔ Subjective indicators

международно признанные индексы: индекс развития человеческого потенциала, институциональной демократии (Polity I, Polity II, Polity III и Polity IV), индекс государственного управления. В России также ведется разработка собственного инструментария (индекс протестных настроений ВЦИОМ и индекс социально-экономической и политической напряженности КГИ).

В связи с активизацией политической активности граждан, массовых движений большую актуальность получает изучение, измерение, моделирование и прогнозирование данных явлений. При этом протест понимается как комплексное явление, имеющее целый ряд причин и форм выражения. Масштабность и успешность протеста зависит как от внутренних характеристик (специфики коммуникации внутри протестной группы, характера целей, состава лидеров и т.д.), так и от внешних (уровень неравенства в обществе, уровень неудовлетворенности населения своим положением, характер социально-политических институтов и т.д.). Особое значение в последние годы приобрело распространение Интернета и характер использования его инструментов в организации протестных действий.

В статье была предпринята попытка разработки индекса протестного потенциала на основе экспертных оценок и объективных данных (факторов, обусловленных внешними по отношению к общественно-политической сфере процессами). При этом вес каждого из параметров в общем индексе определяется благодаря экспертным оценкам.

Включение в индекс значительного количества субъективных и объективных показателей не позволило выделить те из них, которые имели бы существенное влияние. По оценкам экспертов, вес каждого из них был признан примерно одинаковым (что было подтверждено повторными процедурами замера значимости показателей).

Данный индекс был апробирован в 2018 и 2019 гг. на 4 субъектах Российской Федерации: Ярославская область, Воронежская область, Республика Татарстан и Республика Адыгея. Исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) Наиболее благополучными по потенциалу протестной активности из исследованных регионов остаются Воронежская область и Республика Татарстан.

2) Ярославская область и Республика Адыгея по итогам оценки демонстрируют чуть больший потенциал протестной активности, как и в 2018 г. Оба субъекта являются лидерами по объективным предпосылкам для роста напряженности.

3) Наблюдается рост значимости факторов, обусловленных внутренними процессами в общественно-политической сфере, что позволяет говорить о существовании проблемы с обратной связью, с действиями власти по отношению к протестующим и с участвовавшими случаями успешного отстаивания интересов протестными группами.

Библиографический список

- Антанович, Н. А. (2014). Индексы как измерительный инструмент в политологии. Режим доступа <http://elib.bsu.by/handle/123456789/94359>
- Артюхина, В. А. (2011). Социальный протест как проявление гражданского общества. *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*, 3, 251–255.
- Волынчук, А. Б., Соловченков, С. А. (2013). Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности. Территория новых возможностей. *Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*, 1(19), 25–36.
- Гудошникова, О. Е. (2015). Технологии «Новых медиа» как платформа гражданской активности. *Современные проблемы науки и образования*, 1–1.
- Ильичева, Ю. А. (2013). Мобилизационные технологии: сущность, предпосылки возникновения, основные инструменты и средства. *Медиаскоп*, 2. Режим доступа <http://www.mediascope.ru/node/1335>
- Найдорф, М. И. (2010). Массовые движения в массовых обществах. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 4, 220–230.
- Никифоров, А. А. (2014). Возможности и ограничения протестной мобилизации через социальные сети. *Право и политика*, 12, 1903–1909.
- Никовская, Л. И. (2012). Гражданское общество и протесты: что за ними стоит? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4(110) 5–13.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств* (2007). М.: Изд-во «МГИМО–Университет».
- Седова, Н. Н. (2014). Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база. *Социологический журнал*, 2, 48–71.

- Сколебина, Н. А. (2010). Общественные движения как объект социологического исследования. *Вестник Волгоградского государственного института*, 1(11), 51–56.
- Фетисов, Г. Г., Орешин, В. П. (2008). *Региональная экономика и управление*. М.: ИНФРА-М.
- Филатова, О. Г. (2014). Интернет-технологии политической мобилизации в современной России. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 10(4), 57–67.
- Филинская, Л. В., Мартинкевич, А. В. (2012). Методологические и методические особенности изучения протестного потенциала молодежи. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, 1, 104–114.
- Шерстобитов, А. С. (2013). «Сетевая публичность» как новый фактор политической мобилизации в современной России: попытка сетевого анализа. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, 3, 99–105.
- Eisinger, P. K. (1973). The Conditions of Protest Behavior in American Cities. *American Political Science Review*, 67, 11–28.
- Gamson, W.A. (1992). *Talking Politics*. New York: Cambridge University Press.
- Heath, O. (2008). Triggers for protest: Modelling responses to the political context in Britain, 2000–2002. *European Journal of Political Research*, 47, 489–509.
- Le Bon, G. (2001). *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Kitchener, ONT: BatocheBooks.
- Opp, K-D. (2012). Collective Identity, Rationality and Collective Political Action. *Rationality and Society*, 24(1), 73–105.
- Piven, F. F., Cloward, R. A. (1991). Collective Protest: A Critique of Resource Mobilization Theory. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 4(4), 435–458.
- Postill, J. (2014). Freedom Technologists and the New Protest Movements: A Theory of Protest Formulas. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 20(4), 402–418.
- Rule, J. B. (1988). *Theories of Civil Violence*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Tilly, C. (1975). Food Supply and Public Order in Modern Europe. In C. Tilly *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Travaglino, G. A. (2014). Social sciences and social movements: the theoretical context. *Contemporary Social Science*, 9(1), 1–14.

Статья поступила в редакцию 09.12.2019

Статья принята к публикации 22.01.2020

Для цитирования: Соколов А. В. Индексное моделирование протеста: подходы к пониманию и результаты апробации. — Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 1. С. 40–64.

INDEX MODELING OF PROTEST: APPROACHES TO UNDERSTANDING AND RESULTS OF APPROBATION

A. V. Sokolov

Aleksandr V. Sokolov. Demidov Yaroslavl' State University, 14, Sovetskaya Str., 150000, Yaroslavl, Russia. E-mail: alex8119@mail.ru. ORCID 0000-0002-7325-8374

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 17-33-01022 (a2) (Modeling and Indexing of Protest Activity in the Constituent Entities of the Russian Federation).

Abstract. The paper is aimed at developing original methodology to assess the potential of protest activity. The current state of index analysis implementation in world science is reviewed. The characteristics of a number of indexes is given, which includes human development potential index, institutional democracy (Polity I, Polity II, Polity III and Polity IV) and public ad-

ministration indexes. Russia is also developing its own tools of index analysis implementation, viz. the index of protest moods on the basis of VTSiOM and the Civil Initiatives Committee socio-economic and political tension index). The article covers a number of approaches to understanding protest activity, as well as highlights conditions for its formation, describes its major characteristics and emphasizes the importance of effective communication. Further, on the basis of these characteristics, the author's model and the index of protest potential are developed. To study the potential of protest moods, the author employed the methodology that presupposed two stages of the research. The first stage consisted in conducting two expert surveys aimed at assessing and ranking the factors, conditioned by the processes inside) the socio-political sphere of influence on the potential of protest activity 94 experts were involved. The second stage embraced the assessment of the protest potential factors caused by the processes external to the socio-political sphere. These factors were calculated on the basis of state and departmental statistics indicators. The instruments used in this study were selected on the assumption that the process of forming motives for choosing protest behavior in citizens is determined by a combination of objective and subjective factors, conditioned by both internal and external processes in the socio-political. The presence of a large number of subjective and objective indicators in the index prevented us from singling out those of them that have profound effects. Experts estimate that the weight of each of them was roughly the same (as confirmed by repeated measurement procedures for the significance of the indicators). This index was tested in 2018 and 2019 on 4 subjects of the Russian Federation: Yaroslavl region, Voronezh region, Republic of Tatarstan and Republic of Adygeya.

Keywords: model, modeling, index, protest, protest potential.

DOI: 10.31429/26190567-21-1-40-64

References

- Antanovich, N.A. (2014). *Indeksy kak izmeritel'nyy instrument v politologii* [Indexes as a Measuring Tool in a Political Science]. Retrieved from <http://elib.bsu.by/handle/123456789/94359>.
- Artyukhina, V. A. (2011). Sotsial'nyy protest kak proyavleniye grazhdanskogo obshchestva [Social Protest as a Manifestation of Civil Society]. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovaniye, tvorchestvo* [Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity], 3, 251–255.
- Eisinger, P. K. (1973). The Conditions of Protest Behavior in American Cities. *American Political Science Review*, 67, 11–28.
- Fetisov, G. G., Oreshin, V. P. (2008). *Regional'naya ekonomika i upravleniye* [Regional Economics and Management]. M.: INFRA-M.
- Filatova, O. G. (2014). Internet-tekhnologii politicheskoy mobilizatsii v sovremennoy Rossii [Internet Technologies in Political Mobilization of Modern Russia]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEKS], 10(4) 57–67.
- Filinskaya, L. V., Martinkevich, A. V. (2012). Metodologicheskiye i metodicheskiye osobennosti izucheniya protestnogo potentsiala molodezhi [Methodological and Methodological Features of Studying the Protest Potential of Youth]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Journal of the Belarusian State University. Sociology], 1, 104–114.
- Gamson, W.A. (1992). *Talking Politics*. New York: Cambridge University Press.
- Gudoshnikova, O. Ye. (2015). Tekhnologii «Novykh media» kak platforma grazhdanskoy aktivnosti [New Media Technologies as a Platform for Civic Engagement]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 1–1.
- Heath, O. (2008). Triggers for Protest: Modelling Responses to the Political Context in Britain, 2000–2002. *European Journal of Political Research*, 47, 489–509.
- Il'icheva, Yu. A. (2013). Mobilizatsionnyye tekhnologii: sushchnost', predposylki vzniknoveniya, osnovnyye instrumenty i sredstva [Mobilization Technologies: Essence, Background of Origin, Major Tools and Means]. *Mediascope* [Mediascope], 2. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/node/1335>

- Le Bon, G. (2001). *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Kitchener, ONT: BatocheBooks.
- Naydorf, M. I. (2010). *Massovyie dvizheniya v massovykh obshchestvakh* [Mass Movements in Mass Societies]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 4, 220–230.
- Nikiforov, A. A. (2014). *Vozmozhnosti i ogranicheniya protestnoy mobilizatsii cherez sotsial'nyye seti* [Opportunities and Limitations of Protest Mobilization Through Social Networks]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 12, 1903–1909.
- Nikovskaya, L. I. (2012). *Grazhdanskoye obshchestvo i protesty: chto za nimi stoit?* [Civil society and Protests: What is Behind Them?] *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 4(110) 5–13.
- Opp, K-D. (2012) *Collective Identity, Rationality and Collective Political Action*. *Rationality and Society*, 24(1), 73–105.
- Piven, F. F., Cloward, R. A. (1991). *Collective Protest: A Critique of Resource Mobilization Theory*. *International Journal of Politics, Culture and Society*, 4(4), 435–458.
- Politicheskiy atlas sovremennosti: Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudarstv* [The Political Atlas of Modernity: The Experience of Multivariate Statistical Analysis of Political Systems of Modern States] (2007). M.: Izd-vo «MGIMO–Universitet».
- Postill, J. (2014). *Freedom Technologists and the New Protest Movements: A Theory of Protest Formulas*. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 20(4), 402–418.
- Rule, J. B. (1988). *Theories of Civil Violence*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Sedova, N. N. (2014). *Grazhdanskiy aktivizm v sovremennoy Rossii: formaty, factory, sotsial'naya baza* [Civic Activism in Modern Russia: Formats, Factors, Social Base]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2, 48–71.
- Sherstobitov, A. S. (2013). «Setevaya publichnost'» kak novyy faktor politicheskoy mobilizatsii v sovremennoy Rossii: popytka setevogo analiza [“Network Publicness” as a New Factor of Political Mobilization in Contemporary Russia: Network Analysis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. [Vestnik of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Right. International relationships], 3, 99–105.
- Skolebina, N. A. (2010). *Obshchestvennyye dvizheniya kak ob'yekt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Institutional Analysis as a Promising Direction for the Evaluation of Social Movements (An Analytical Overview)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo instituta* [Bulletin of the Volgograd State Institute], 1(11), 51–56.
- Tilly, C. (1975). *Food Supply and Public Order in Modern Europe*. In C. Tilly *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Travaglino, G. A. (2014). *Social sciences and social movements: the theoretical context*. *Contemporary Social Science*, 9(1), 1–14.
- Volynchuk, A. B., Solovchenkov, S. A. (2013). *Sotsial'naya napryazhennost' i protestnaya aktivnost' v kontekste analiza sotsial'noy bezopasnosti* [Social Unrest and Protest Activity in The Context of The Analysis of Social Security]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [Territory of New Opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service], 1(19), 25–36.

Received 09.12.2019

Accepted 22.01.2020

For citation: Sokolov A. V. Index Modeling of Protest: Approaches to Understanding and Results of Approbation. — South-Russian Journal of Social Sciences. 2020. Vol. 21. No. 1. Pp. 40–64.

© 2020 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).